

А. Ю. ВАСИЛЬЕВА

студентка группы 27Ф1401

кафедра русской и зарубежной литературы

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕЗАУРУС ЦИКЛА СТИХОТВОРЕНИЙ Г. ИВАНОВА «RAYON DE RAYONNE»

Аннотация. Представление о картине мира писателя могут дать тезаурусы, в которых значение слова рассматривается не изолированно, а в связи с другими лексемами. Поэтический цикл Г. Иванова «Rayon de rayonne» включает в себя разнородные стихотворения, имплицитно объединенные несколькими сквозными темами. В докладе выявляются смысловые доминанты цикла посредством построения функционального тезауруса и анализа значений словесных комплексов. Тем самым конкретизируется представление о субъектной структуре цикла.

Ключевые слова: Г. Иванов, поэзия, тезаурус, семантика, метафоричность.

Словари, в том числе тезаурусы, — популярный метод исследования в гуманитарных науках. Тезаурусный подход в науке применяется относительно недавно (с последней четверти XX в.) и развивается многими культурологами и социологами (см. труды Ю. Н. Караулова, Вал. А. и Вл. А. Луковых и др.). Данный метод имеет место и в литературоведении.

Как происходит тезаурусный анализ? Группе лексем, обладающей смысловым единством, приписывается дескриптор — слово, которое максимально полно описывает это единство. Слова в тематической группе должны объединяться внеязыковой связью денотатов, иметь одну или более общих сем [Лещева 2005, 24]. Слои тезауруса различаются по значимости [Вершинин 2005, 16]: значения слов ядра семантического поля совпадают со словарными. Для

нас, как для исследователей поэзии, более важна периферия [Лещева 2005, 28]: употребление слова в несвойственных ему значениях составляет уникальность идиостиля поэта.

Чем удобен тезаурус? Он исключает произвольность интерпретации текста и дает основания для компактной и обозримой систематизации лексики. Знание в рамках тезаурусной теории представлено как «субъектно организованное» [Костина 2017, 106], при этом тезаурус имеет как бы двухстороннюю субъектность. Первый субъект — сам писатель, а второй субъект — исследователь, поскольку он сам задает вектор исследования (т. е. имена полей), выдвигая некую гипотезу, не ограничивая себя в выборе тематических групп. Не теряя в объективности, тезаурусный подход позволяет находить ключи к пониманию творчества разных писателей.

Мы проанализировали один из поздних лирических циклов Георгия Иванова. Методологической основой исследования послужила работа М. Гаспарова «Художественный мир М. Кузьмина: тезаурус формальный и тезаурус функциональный»¹, в которой тезаурусы делятся на два типа. В формальных тезаурусах лексемы группируются по тематическому принципу, учитывается исключительно их «словарное» значение. В функциональных тезаурусах, напротив, важно метафорическое значение слова: лексемы группируются в смысловые блоки по переносному значению. Поскольку художественный мир строится на образности, функциональные тезаурусы при анализе поэтического текста более целесообразны, нежели формальные.

Цикл Г. Иванова «Rayon de rayonne», опубликованный в сборнике «Портрет без сходства» (1950 г.), состоит из 15 нумерованных стихотворений, которые, на первый взгляд, крайне разнородны. Мы составили функциональный тезаурус цикла и выявили смысловые компоненты, объединяющие стихотворения в единое целое. Поля озаглавлены таким образом: «я», «ты», «мы», «другой»,

¹ См.: Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М.: НЛЮ, 1995. С. 275-285.

«окружение», «событие». К каждому полю были заданы вопросы: кто; что делает; что имеет; как, какой, каково; где; когда. Пересечением полей и вопросов мы получили таблицу. Благодаря наглядному табличному построению мы проанализировали не только поля, но и каналы, через которые лирический герой воспринимает и оценивает окружающий мир и себя в нем.

Поле «я» включает 36 слов. Автор иронизирует над лирическим героем, который носит автобиографический характер (в цикле присутствуют «брюки Иванова» и «капитан Иванов»). Предельно конкретизируя лирического героя, поэт вместе с тем его обезличивает (фамилия Иванов выступает как квинтэссенция «русскости»). Между тем сниженное парадоксально сплетается с возвышенным: несмотря на иронию, автор помещает лирического героя в пограничное состояние «счастья и беды». Поэтическая натура героя — «музыка», «лебедя» (аллюзия на стихотворение Ахматовой «Мне не нужны одические рати...»). Его пространство — «вечность», наполненная «сиянием».

В поле «я» много слов с семантикой отрицания («не имею», «не видел», «никогда»). Отрицаемое принадлежит человеческой реальности, что указывает на «дефектность» поведения лирического героя, не испытывающего радости от контактов с миром и не желающего найти путь к нему. Отвергается телесность — «лицо», «походка». Физически лирический субъект в тексте не представлен, за исключением образа сердца, которое будто отделилось от «хозяина» и теперь воспринимается зрительно (оно «вдалеке») и аудиально («бьется слабо», т. е. тихо). Сердце — единственное, что остается от человеческого тела. Сам герой обитает в иной, музыкальной вселенной. Положительную оценку мир приобретает лишь в прошедшем времени. Сюжет наименее ироничного стихотворения («В пышном доме графа Зубова...») построен на припоминании минувших событий.

В поле «ты» вошло всего 5 лексем, и его анализ не представляется возможным. Однако лирический герой ассоциирует себя с персонажами, обозначенными собирательным «мы», что в тексте выражается глагольными формами («вымираем», «кружимся»).

Мотивировкой для включения лирического героя в поле «мы» служит семантика беды, смерти: «цианистый калий», «сулема», «загробный». В поле входит тема памяти, поэтому глаголы или употребляются в прошедшем времени («притерпелись»), или несут в себе семантику ухода, завершения («...на кладбищенскую грядку / Ложимся»). Иванов варьирует мотив смерти своего поколения: «Ласково кружимся в вальсе загробном / На эмигрантском балу». Воспоминание приобретает торжественность и не связано с обыденностью.

Самым обширным оказалось поле «другой». Именно через отрицание, осмеяние другого происходит самоидентификация лирического героя. Персонажи этого поля абсолютно не похожи друг на друга. Мы обнаружили 9 наименований животных (12 словоупотреблений), исторических лиц (гр. Зубов, Ахматова, Гоголь), лиц по роду деятельности (портной, художник, дачник). Жильцы ивановского мира занимаются чем угодно, но чаще погружены в быт (прием пищи, рыбалка), над которым лирический герой зло посмеивается. Объектом иронии становятся и «высокие занятия» — живопись и поэзия. Не случайно в пушкинской цитате «поэт» подменяется «петухом»: «И внемлет арфе серафима / В священном ужасе петух».

К полю «событие» относятся действия, происходящие сами по себе (например, «...бесмыслица искусства / Вся, насквозь, видна»). Они могут звучать (пение, вздохи, голоса), среди них есть такие, каких не ожидаешь услышать в поэтическом тексте: мычание, бляенье и др. Еще один парадокс: подобные недозвуки (которые могут характеризовать художественное слово) соседствуют, например, со звуками пения. Два стихотворения включают в себя диалоги, оба из которых — дефектны: в них звучат искаженные слова (рушкой), один из говорящих не хочет вступать в контакт с другим («оставь меня в покое»).

Поле «событие» пересекается с полем «другой»: очевидно, что действия другого тоже составляют событие. Если время и место действия конкретизируются, то или размываются черты самого субъекта (некий «русский»), или вносится неопределенность в его

ход («Вот *более иль менее* / Приехали в имение»), или в игру вступает едкая ивановская ирония. Наиболее показательны стихотворения № 14. В первой строке четко обозначены время и место действия: «На полянке поутру». Но далее мир превращается в абсурд: персонажами оказываются кенгуру и камбала, которые ведут себя подчеркнуто по-человечески и даже вызывающе (например, распивают спиртные напитки).

Пространство (поле «окружение»), с одной стороны, может быть максимально широким: море, солнце, небо. С другой стороны, оно заполняется бытовыми вещами (абажур, клумба, трамвай). В стихотворении «В пышном доме графа Зубова...» на первый план выходит тема памяти. Все происходит в конкретном городе (Петербург), здании (дом Зубова), с конкретным человеком (Ахматова). Именно в связи с воспоминаниями ценен быт. Широта же пространства связана с его неопределенностью и дополняется местоимениями «где-то», «когда-то», в таком пространстве у лирического героя возникает ситуация непонимания и одиночества (см. стихотворения № 4, № 7). С чуждостью пространства связана тема утраты поэтического голоса («чужое» море и весна).

Важно, какими способами герой познает окружающий мир. Наиболее активный канал восприятия — зрение. В цикле много прилагательных цвета (светлое небо, лазурное море), глаголов со значением интенсивности цвета (гаснуть, потухать), наречий и слов категории состояния (ровненько, пусто, вдали). Однако мы встречаем лишь 1 глагол зрительного восприятия — «гляжу»: лирический герой не вмешивается в действие, но наблюдает его со стороны. Этот глагол употреблен в заключительном стихотворении: тем самым не только лирический герой оценивает свой мир, но и автор критически смотрит на свою работу: «Гляжу на это рабское старанье, / Испытывая жалость и тоску...». Подобная оценка соотносится с темой «бессмыслицы искусства», заявленной в первом стихотворении. Г. Иванов причисляет себя к поэтам, труды которых всегда тщетны.

Мир познается и через слух. С ним мы дважды сталкиваемся в первой строке первого стихотворения: «В *тишине* вздохнула

жаба...». Мир Г. Иванова наполнен звуками: это реальные и ирреальные голоса («голосок» адской птички), звуки пения, поэзия предстает как музыка. Именно через визуальный и аудиальный каналы оценивается искусство: «И бессмыслица искусства / Вся, насквозь, видна» и «Насколько лучше — бляенье баранье, / Мычанье...» (о творчестве). Цикл начинается со звуков и заканчивается ими.

Отношение к окружающему проявляется в выборе форм речи. В двенадцати из пятнадцати стихотворений звучат ирония и сарказм. Поэт насмехается надо всем, что его окружает: над бытовым и над поэтическим, над природой и над людьми. Г. Иванов ведет игру с читателем: его стихи наполнены чужим словом (эпиграфы из Фонвизина и Адамовича, цитаты из Пушкина). Более того — в цикле присутствуют исторические аллюзии, например, «ледяной поход» (один из переходов армии Деникина в 1918), варианты ранних стихотворений («Добровольно, до срока...» ритмически и тематически повторяет более раннее «Синеватое облако»). Это дает возможность трактовки стихотворений одновременно в разных модах. Упоминание реальных фактов возвращает к теме памяти.

Поэт говорит не только о «бессмыслице искусства» и бытия, но и о поиске своего места в мире, которого не находится, поскольку мир оказывается скучным, глупым, а главное — чужим. Он противоположен вечности, к которой стремится лирический герой. Его идеал — или прошлое, с его знакомцами и обстановкой, или безвременье.

Мы применили тезаурусный подход к анализу лирического субъекта в цикле «Rayon de rayonne». М. Гаспаров при составлении тезаурусов анализировал только существительные и изредка прилагательные и обозначил проблему — разработку методологии для остальных частей речи. Мы попробовали создать основания подобной методологии. Нужны более четкие критерии отнесения слова к определенному полю. Это тем более важно, поскольку в полях соседствуют слова разных частей речи. Нужна система учета категориальных значений разных частей речи (здесь тоже могут скрываться неявные смыслы). В перспективе разработки тезаурусного

анализа в литературе нужно создать систему пересекающихся полей, так как поэтическое слово максимально концентрированно по смыслу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов Г. В. Собрание сочинений: в 3 т. Г. В. Иванов / Т. 1. Стихотворения. — М.: Согласие, 1993. — 656 с.
2. Вершинин И. В. Принцип дополнительности и вопросы соотношения научных подходов в исследовании мировой литературы / И. В. Вершинин // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. тр. — М., 2005. — Вып. 2. — С. 14-16.
3. Костина А. В. Концепция тезауруса как методология современного научного знания о культуре / А. В. Костина // Тезаурусы и тезаурусная сфера: сб. науч. трудов. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2017. — С. 105-115.
4. Лещева А. Н. Словарь-тезаурус и семантическое поле «вещь»: (на материале поэтических текстов Иосифа Бродского) / А. Н. Лещева // Слово — текст — смысл: сб. студен. науч. работ. — Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2005. — Вып. 1. — С. 23-32.